

Баллады.

Чудесный цвѣтокъ.

(„Das Blümlein Wunderschön“).

Это стихотвореніе появилось въ 1799 году въ „Musen-Almanach'ъ“ Шиллера, но упоминается о ней еще раньше, въ дневникѣ Гёте 16-го іюня 1798 г. Что лежитъ въ его основаніи, рѣшить трудно; пѣсня ли плѣннаго графа Иоганна Габсбургъ-Рапперсвиля, которую передаетъ Чуди въ своей швейцарской хроникѣ (см. сочин. Гёте подъ редакц. Вейнберга), или пѣсня, сообщенная Гёрресомъ и Уландомъ ¹⁾. Есть подобное стихотвореніе у Бюргера подъ заглавіемъ „Das Blümchen Wunderhorn“.

У Гёте графъ высказываетъ твердую надежду не быть забытымъ „вѣрнѣйшею изъ женщинъ“, что даетъ ему мужество переносить несчастье, и оправдываетъ влеченіе къ „чудесному цвѣтку“—незабудкѣ.

Переводъ Ѳ. Миллера близокъ къ тексту, размѣръ сохраненъ, неточностей въ выраженіи мыслей попадаетъ мало. Онъ слѣдующія:

3-ья строфа у Гёте читается слѣдующимъ образомъ:

„Ich blühe schön, und höre diess
Hier unter deinen Gitter.
Du meinst mich, die Rose, gewiss,
Du edler armer Ritter!“

Die Blumenkönigen
Gewiss auch in deinem Herzen“

т. е.

„Я красиво цвѣту, и слышу это
Здѣсь подъ твоей рѣшеткой.

¹⁾

„Ich weiss mir ein Blümlein blaue,
Von himmel klarem (...blauem) Schein;
Es steht in grüner Aue,
Es heisst: Vergiss nit mein“.

т. е.

„Я знаю голубой цвѣтокъ,
Съ небесно-голубымъ сіяніемъ;
Онъ стоитъ въ зеленомъ полѣ (равнинѣ)
И называется: не забудь меня“.

Далѣе говорится о надеждахъ влюбленного на лѣто, когда вмѣстѣ съ цвѣтами возвратится любовь его милой.

Конечно ты обо мнѣ вспоминаешь, о розѣ,
Бѣдный благородный рыцарь!
Вѣдь у тебя возвышенный характеръ
И навѣрно царица цвѣтовъ
Царствуетъ въ твоёмъ сердцѣ“.

Эта строфа у Э. Миллера переведена:

„Я подъ окномъ твоимъ цвѣту:
Скажи по комъ вздыхаешь?
О, не мою-ли красоту
Ты, рыцарь, вспоминаешь?
Умомъ и сердцемъ ты высокъ:
Не розу-ль, царственный цвѣтокъ,
Любимидей избралъ ты?“

Немного самоувѣренному тону, царящему въ отвѣтѣ розы, придана форма вопроса, отчего характеръ впечатлѣнія, производимаго имъ, мѣняется. Роза выставляется гордымъ цвѣткомъ и не сомнѣвается въ своемъ превосходствѣ надъ другими. Она сама называетъ себя „царицей цвѣтовъ“. Ея замѣчаніе графу категорично, носитъ рѣшительный оттѣнокъ. „Gewiss“ встрѣчающееся два раза, не переведено совсѣмъ (вмѣсто „рѣшетка“—„окно“).

Въ 4-й строфѣ графъ объясняетъ, почему дѣвушки такъ цѣнятъ розу:

„Dein Purpur ist aller Ehren werth
Im grünen Ueberkleide;
Darob das Mädchen dein begehrt,
Wie Gold und edel Geschmeide“

т. е.

„Твой пурпуръ достоинъ всякой чести
Въ зеленомъ верхнемъ нарядѣ;
Поэтому тебя добиваются дѣвицы,
Какъ золота и благородныхъ цѣнностей“.

У Э. Миллера:

„Твой алый цвѣтъ ласкалъ не разъ
Мой взоръ, цвѣтовъ царица!
Тебя лелѣетъ какъ алмазъ
Красавица дѣвица.

Переводъ свободный.

Въ восьмой строфѣ графъ замѣчаетъ гвоздикъ:

„Die Nelke Soll man nicht verschmahn,
Sie ist des Gärtners Wonne;
Bald muss sie in dem Lichte stehn,
Bald schützt er sie vor Sonne“

т. е.

„Гвоздику не должно презирать,
Она отрада садовника;
То онъ долженъ ставить ее на свѣтъ,
То скрывать отъ солнца“.

Миллеръ переводитъ:

„Гвоздику можно-ль презирать,
Нѣтъ, ею всякъ гордится,
И нашъ садовникъ блескъ придасть
Не даромъ ей стремится“.

Какъ онъ придаетъ ей блескъ, не сказано.

Далѣе графъ называетъ свою милую: „Das treueste Weib der Erde“ („вѣрнѣйшей женщиной на свѣтѣ“); онъ и утѣшаетъ себя въ заключеніи тою мыслью, что она вѣрна ему и часто о немъ вспоминаетъ. Миллеръ же просто говоритъ о „женѣ“.

Въ общемъ переводъ удаченъ и размѣръ выдержанъ (если не считать нѣкоторыхъ анапестовъ, встрѣчающихся впрочемъ очень рѣдко, переданныхъ одинаково съ прочими стихами, ямбомъ).

Пляска мертвецовъ ¹⁾.

(„Der Todtentanz“).

Баллада относится къ 1813 г. Мартинъ Цейдлеръ рассказываетъ, что онъ многократно слышалъ отъ жителей Моравской деревни Эйбеншицъ исторію о крестьянинѣ, который послѣ смерти выходилъ каждую ночь изъ могилы и умерщвлялъ различныхъ лицъ. Свой Sterbekittel¹⁾ онъ оставлялъ на могилѣ и, возвращаясь назадъ, снова надѣвалъ его. Сторожъ, желая подшутить надъ нимъ, утащилъ его однажды и скрылся на колокольню; но, когда мертвецъ пригрозилъ ему смертью, онъ

¹⁾ Переводъ за подписью **, помѣщенного въ „Репертуарѣ русскихъ и Пантеонѣ иностранныхъ театровъ“ (1843 г. т. II, № 5 стр. 234), я не имѣлъ подъ рукою.

въ большомъ страхѣ возвратилъ саванъ обратно. Подобная исторія найдена Римеромъ въ письмѣ веймарскаго врача I. X. Фритча, который заимствовалъ ее изъ книги М. Фрейда: „Gewissenfrage von Zauberei“. Когда Римеръ спросилъ Гёте, откуда онъ заимствовалъ сюжетъ этой баллады, тотъ отвѣтилъ, что изъ разсказа, который онъ слышалъ въ Богеміи въ устной передачѣ, но не зналъ о книгѣ.

Лучшій переводъ Н. Холодковскаго. Что-то напоминаетъ „Лѣснаго царя“, Жуковскаго. Размѣръ вѣренъ размѣру подлинника, но мысль поэта не всегда точно передана.

Фраза, гдѣ говорится о „странныхъ ужимкахъ“ („geben den da gibt es vertrackte“) не переведена совсѣмъ, а ея переводъ усилилъ-бы впечатлѣніе страшной картины; вообще вся 3-ья строфа переведена вольно. Такъ у Гёте сказано:

„Er wittert das Tuch in der Luft“,

т. е.

„Онъ чуетъ одежду въ воздухѣ“.

Н. Холодковскій переводить:

„Вотъ онъ наконецъ догадался“.

Фраза Гёте усиливаетъ таинственность разсказа и прибавляетъ лишнюю черту къ образу мертвеца, отдѣляетъ его отъ живого человѣка. Неудачно переведена предпоследняя строфа:

„Der Thürmer erbleichet, der Thürmer erbebt,
Gern gäb' er ihn wieder den Laken.
Da häkelt-jetzt hat er am längsten gelebt—
Den Zipfel ein eiserner Zacken“,

т. е.

„Отъ страха дрожить и блѣднѣть звонарь,
Охотно-бъ съ рубашкой простился;
Вотъ слышитъ онъ,—только и жилъ пономарь,—
О ставень крючекъ зацѣпился“.

(пер. А. Струговщикова).

Холодковскій переводить:

„Звонарь замираетъ, звонарь еле живъ;
Минуты текутъ, словно годы....
И вотъ ужъ мертвецъ, капитель обхвативъ,
Взлѣзаетъ подъ верхніе своды“.

Прочитывая переводъ Холодковского, читатель остается въ недоумѣніи, почему звонарь не сбросилъ рубашки мертвецу, когда такъ сильно испугался. А. Струговщикова передалъ главную мысль этихъ строкъ.

Переводъ Струговщикова воленъ и грѣшитъ многими неточностями и несоотвѣтствіемъ духу подлинника.

Вотъ какъ онъ переводить 3-ью строфу:

„И кости о кости какъ палки стучать,
Руками, какъ граблями машутъ,
Сухія колѣнки сгибаются въ ладъ,
И юныя косточки пляшутъ“.

У Гёте:

„Nun hebt sich der Schenkel, nun wackelt das Bein,
Gebärden da gibt es, vertrackte;
Dann klippert's und klappert's mitunter hinein
Als schlug' man die Hölzlein zum Takte“.

Неправильно переведены слѣдующіе стихи:

„Das kommt nun dem Thürmer so lächerlich vor;
Da raunt ihm der Schalk, der Versucher ins Ohr:
„Geh! hole dir einen der Laken“.

т. е.

„Это показалось сторожу очень забавнымъ,
Тогда ему шепчетъ на ухо плутъ—искуситель:
„Поди! возьми себѣ одинъ саванъ“.

У Струговщикова:

„Звонарь это видитъ: смѣшно звонарю—
И на ухо шепчетъ нечистый ему:
„Рубашка годится на случай“.

У Гёте бѣсъ скорѣе дѣйствуетъ на то оригинальное свойство природы человѣка, которое выражается иногда въ довольно рискованныхъ шуткахъ и насмѣшкахъ надъ другими. У Струговщикова онъ болѣе упираетъ на матеріальные интересы звонаря, что подтверждается слѣдующими затѣмъ стихами:

„Вотъ будетъ потѣха! подумалъ звонарь.
Покрѣпче одну выбираетъ“.

У Гёте нѣтъ имъ соотвѣтствія.

Заключительная фраза:

„Und unten zerschelt das Gerippe“.

У Холодковского:

„И прахомъ разсыпались кости“.

У Струговщикова совѣзмъ не переведена; судьба мертвеца остается неизвѣстной и стихотвореніе неоконченнымъ.

Странникъ и мызница.

(„Wanderer und Pächterin“).

Переводъ Ѳ. Миллера удаченъ, близокъ къ тексту и размѣръ удержанъ. Двѣ строфы переведены слабо: 10-я и 11-я.

Десятая у Гёте читается такимъ образомъ:

„Nicht ein Bildniss, wirklich siehst du jene
Hohe Tochter des verdrängten Blutes;
Nun in Pachte des verlassen Gutes
Mit dem Bruder freuet sich Helene“,

т. е. „Не изображеніе ты видишь, а дѣйствительно знатную дочь вытѣсненнаго рода; теперь Елена счастливо живетъ (freuet sich) съ братомъ на мызѣ покинутаго имѣнія“.

У Ѳ. Миллера:

„Взоръ твой образъ увидать желаетъ,
Но она сама передъ тобою;
При помѣсти мызницей простою
Здѣсь Елена съ братомъ проживаетъ“.

Остается невыясненнымъ, отчего Елена живетъ на мызѣ, какими судьбами знатная дама пала такъ низко и что это за мыза, которая ее пріютила.

У Гёте говорится, что семья ея принуждена была удалиться и покинуть землю отцевъ.

Далѣе у Гёте (11-я):

„Aber diese herrlichen Gefilde,
Kann sie der Besitzer selbst-vermeiden?
Reiche Felder, breite Wies'und Weiden,
Mächt'ge Quellen süsse Himmelsmilde“,

т. е. „Но эти пышные поля, можетъ-ли ихъ избѣгать владѣлецъ? богатые нивы, пышные луга и пастбища, могучіе источники и сладость тихаго неба.

Миллеръ переводить:

„Но владѣтель этого имѣнія,
Всѣхъ полей и нивъ, гдѣ дни проводить?
Иль ужъ онъ отрады не находитъ
Здѣсь, среди прелестнаго владѣнія?“

Передана общая мысль, но не самый текстъ.

Крысоловъ.

(„Der Rattenfänger“).

Переводъ Ѳ. Миллера близокъ къ тексту; размѣръ сохраненъ; есть мѣста, которыя не буквально передаютъ текстъ, но это, конечно, зависитъ отъ оригинальности самой баллады, формой своей скорѣй напоминающей пѣсню. Кромѣ того у Гёте первое лицо иногда замѣняется третьимъ; у Миллера-же вездѣ первое.

Миньона.

(Mignon).

Это изящное стихотвореніе часто привлекало на себя вниманіе поэтовъ и переводчиковъ. Существуетъ много переводовъ его и отдѣлокъ, изъ которыхъ немногіе отличаются большими достоинствами. „Миньону“ переводили: А. Майковъ, Неизвѣстный, А. Струговщиковъ, В. Жуковский, Мей, Тютчевъ, М. Михайловъ, Гербель, кн. Вяземскій и Шкляревскій.

Переводъ А. Майкова слабѣ многихъ другихъ. Онъ воленъ и, хотя размѣръ подлинника удержанъ, но риѣма измѣнена (черезъ строку, а не попарно). Вторая строфа переведена такимъ образомъ:

„Я помню залъ: колонна за колонной,
И мраморы стоятъ передо мной,
И на меня взирая благосклонно,
Мнѣ говорятъ: „малютка, что съ тобой?“
Ахъ, милый мой! туда, туда
Уйти бы намъ съ тобою навсегда“.

У Гёте:

„Kennst du das Haus? Auf Säulen ruht sein Dach,
Es glänzt der Saal, es schimmert das Gemach,
Und Marmorbilder stehn und sehn mich an:
Was hat man dir, du armes Kind, gethan?
Kennst du es wohl?

Dahin, dahin

Möcht'ich mit dir, o mein Beschützer, ziehn“,

т. е. „Знаешь-ли ты домъ? на столбахъ покоится его крыша, блестить залъ, сияютъ покои, и статуи стоятъ и глядятъ на меня: „что съ тобою, бѣдное дитя? Знаешь-ли ты его? Туда, туда, о если-бы я могла уйти съ тобою, мой покровитель!

У Майкова нарисована картина менѣ яркими красками. Поэтъ передалъ не самый текстъ, а духъ его и передалъ удачно. Первую и третью строфы онъ перевелъ близко къ тексту, но есть переводы буквальнѣе. Къ недостаткамъ его, кромѣ того, относится то, что Майковъ отбѣнилъ пѣсенный характеръ стихотворенія тѣмъ, что каждую пару стиховъ, заключающую куплетъ, перевелъ одинаково:

„Туда, туда

Уйти намъ мой милый (или съ тобою) навсегда“.

У Гёте въ первой строфѣ говорится:

„Dahin, dahin

Möcht'ich mit dir, o *mein Geliebter* ziehn“.

Во второй строфѣ:

„Dahin, dahin

Möcht'ich mit dir, o *mein Beschützer*, ziehn?“

Въ третьей строфѣ:

„Dahin, dahin

Geht unser Weg! o *Vater*, lass uns ziehn!“

У Майкова нѣтъ разнообразія эпитетовъ и обращенія къ отцу въ 3-й строфѣ.

Неизвѣстный въ своемъ переводѣ этой баллады подъ заглавіемъ: „Пѣсня Миньоны“ ¹⁾ отступаетъ отъ формы подлинника: у Гёте—ямбъ, здѣсь—амфибрахій. Велѣдствіе удлинненія размѣра не пропускаются

¹⁾ „Гёте, его жизнь и избранныя стихотворенія“ изданіе Суворина.

нѣкоторыя черты картины ¹⁾, нарисованной Гёте, а прибавляются лишнія. Въ общемъ переводъ ближе къ тексту, нежели переводъ Майкова, но не такъ изященъ.

Вотъ переводъ второй строфы (см. выше):

„Ты знаешь-ли домъ? Его кровля на стройныхъ столбахъ,
И зала сіяетъ, и мраморъ блеститъ на стѣнахъ,
И статуи рядомъ стоятъ и слѣдятъ вопрошая:
Ахъ, что съ тобой, бѣдная? что съ тобой стало, родная?
Ты домъ этотъ знаешь? Туда-бы, туда
Съ тобою, мой милый, ушла навсегда!“

Онъ мало соотвѣтствуетъ красотѣ и силѣ выраженія нѣмецкаго текста. И въ 3-й строфѣ переводчикъ старается отгнать ту или другую мысль поэта другими образами (напр. фразу „Es stürzt der Fels und über ihn Fluth“ онъ переводитъ: „и рушатся скалы и съ ревомъ потоки клубятся“).

А. Струговщиковъ въ своемъ переводѣ противъ обыкновенія не даетъ большой воли своей фантазіи. Поэтому его „Пѣснь Миньоны“ въ первой и третьей строфахъ почти буквальное воспроизведеніе подлинника, но во второй отступаетъ отъ него

„Знаешь-ли домъ тотъ на сводахъ вѣковыхъ,
Тамъ лики на стѣнахъ, въ одеждахъ золотыхъ;
Смѣется свѣтлый залъ и статуи глядятъ;
Знакомъ-ли онъ тебѣ?

Туда, защитникъ мой,

Туда, туда идти-бы за тобой“.

Безъ этихъ стиховъ его переводъ былъ-бы лучше другихъ. Нѣкоторая перестановка словъ въ первой строфѣ не мѣшаетъ впечатлѣнію и переводъ остается буквальнымъ. „Im dunkeln Zaub“—красиво звучитъ: „во мглѣ древесъ“ (у Майкова это выраженіе, образъ необходимый для цѣльности картины, совсѣмъ не переведено; въ переводѣ безъ подписи буквально „съ темной листвы“).

Переводъ Жуковскаго подъ заглавіемъ: „Мина“ (подражаніе Гёте) воленъ, хотя нѣкоторыя строки переведены образцово (2, 4, 13, 14, 16). Тоска Миньоны и ея порывы вдаль плѣнили воображеніе поэта и въ концѣ стихотворенія онъ высказываетъ даже сомнѣніе въ дѣйствительности существованія чудесной страны:

¹⁾ Какъ у Майкова.

„Туда, туда

Мечта зоветъ.... но быть-ли тамъ когда?“ (нѣм. см. выше).

Переводъ Л. Мея, если разсматривать его со стороны содержанія, почти всюду букваленъ. Во 2-й строфѣ не переведена 3-я строка („Und Marmorbilder stehn und sehn mich an“); почему это случилось, трудно сказать. Въ 3-й—вольно переведена 15-я строка:

„In Höhlen wohnt der Drachen alte Brut“,

т. е.

„Въ ущельяхъ драконъ съ исчадьемъ живетъ“

(пер. Струговщикова).

У Л. Мея:

„Тамъ змѣи гнѣзятся въ пещерахъ и пропастяхъ черныхъ“.

Размѣръ не выдержанъ. У Л. Мея вмѣсто ямба—амфибрахій. Риома не попарно, какъ у Гёте, а черезъ 2 строки въ четвертую, при чемъ эти строки римуется между собою.

Въ переводѣ Тютчева размѣръ одинаковъ съ размѣромъ подлинника, но 3-я строфа стоитъ на мѣстѣ второй и наоборотъ; заключеніе же 3-й оставлено на мѣстѣ.

Въ первой строфѣ смѣшиваются фразы, одна стоитъ на мѣстѣ другой:

„Ты знаешь край, гдѣ миртъ и лавръ растеть,

Глубокъ и чистъ лазурный неба сводъ,

Цвѣтеть лимонъ и апельсинъ златой,

Какъ жаръ горить подъ зеленою густой?....

Ты знаешь край?.... туда, туда съ тобой

Хотѣла-бъ я укрыться, милый мой“.

У Гёте:

„Kennst du das Land; wo die Citronen blühn,

Im dunkeln Zaub die gold-Orangen glühn,

Ein sanfter Wind vom blauen Himmel weht,

Die Myrte still und hoch der Lorbeer steht.

Kennst du es wohl?

Dahin, Dahin

Mocht'ich mit dir, o mein Geliebter, ziehn!“

т. е. „Знаешь-ли ты страну, гдѣ цвѣтутъ лимоны, золотые апельсины горятъ въ темной листвѣ, мягкій вѣтеръ вѣетъ съ голубого неба, спо-

койно мирта и гордый лавръ растутъ. Знаешь-ли ты ее? туда, туда, если-бы я могла, уйти съ тобой, мой милый!"

Остальные стихи вездѣ переведены буквально.

М. Михайловъ не выдержалъ размѣра въ своемъ переводѣ. У него, какъ и у Мея, амфибрахій, вмѣсто ямба; въ первой строфѣ риѣма не соотвѣтствуетъ риѣмъ въ другихъ строфахъ. Здѣсь (какъ и у Гёте) риѣма парная, въ первой-же черезъ одну строку. Со стороны содержания переводъ не заставляетъ желать ничего лучшаго. Онъ такъ близко передаетъ нѣмецкій текстъ, что и прозой было-бы трудно перевести буквально.

Переводъ Гербеля написанъ шестистопнымъ полнымъ ямбомъ, тогда какъ у Гёте пятистопный. Онъ не такъ букваленъ, какъ нѣкоторые другіе переводы того-же стихотворенія и свободнѣе ихъ, но вѣренъ смыслу текста. Одна неточность: „Marmorbilder“, у него—„портреты“ („портреты мнѣ въ глаза такъ пристально глядятъ“).

У кн. Вяземскаго („Соврем. 36 ч. т. III“) есть стихотвореніе, которое также начинается, какъ и „Миньона“ Гёте и даже нѣмецкой фразой: „Kennst du das Land?“ Написано оно очевидно въ подражаніе Гёте. Первая строфа читается такимъ образомъ:

„Kennst du das Land? гдѣ фиміамомъ чистымъ
Упоены воздушныя струи,
Гдѣ по холмамъ прохладнымъ и тѣнистымъ,
Весна таитъ сокровища свои?
Гдѣ нѣгой розъ и блескомъ ихъ румянца
Ковры луговъ пестрѣютъ и цвѣтутъ,
И гдѣ срослись и злато померанца,
И зелени душистый изумрудъ“ (см нѣм. текстъ выше).

Какъ видно изъ сличенія съ подлинникомъ, нѣкоторыя фразы есть ничто иное, какъ вольный переводъ соотвѣствующихъ имъ нѣмецкихъ. Далѣе встрѣчается такая фраза:

„Kennst du das Land—гдѣ гнѣздо орловъ и шума?“

Эта картина заимствована изъ третьей строфы „Миньоны“.
Въ другомъ мѣстѣ:

„Тамъ храмъ стоитъ, богамъ пріютъ любимый“

изъ второй строфы, хотя у Гёте говорится не про храмъ, а про дворецъ.

Шкляревскій измѣнилъ форму: вмѣсто ямбовъ у него—анapestы. Первая строфа есть вольная передача нѣмецкаго текста. Переводъ 2-й и 3-ей вѣренъ тексту, но не буквaленъ. Вотъ переводъ первой строфы:

„Ахъ, ты знаешь-ли край съ вѣчно юной весной
Гдѣ цвѣтеть апельсинъ и лимонъ золотой,
Гдѣ съ прохладою лѣта слить розъ аромать,
Гдѣ привѣтливо мирты и лавры шумать?
Ахъ, ты знаешь-ли край сей?

О, если-бъ туда

Я могла, о мой милый, съ тобою летѣть“.

Ученикъ чародѣя.

(„Der Zauberlehrling“).

Эта баллада оригинальна по своей формѣ: она написана короткими, отрывистыми стихами; и точный переводъ ея почти невозможенъ. Н. Холодковскій удачно справился съ размѣромъ, если не считать незначительнаго отступленія во второй половинѣ каждой строфы. У Гёте первый стихъ риѣмуется съ 5-мъ. Переводъ близокъ къ подлиннику, но не буквaленъ; смыслъ вездѣ переданъ вѣрно.

Вотъ напр. переводъ 3-ей строфы:

„Seht, er lauft zum Ufer nieder;	Schon zum zweitenmale!
Wahrlich! ist schon an dem Flusse	Wie das Becken schwillt!
Und mit Blitzesschnelle wieder	Wie sich jede Schale
Ist er hier mit raschem Gusse.	Voll mit Wasser füllt!

Stehe! Stehe!

Denn wir haben

Deiner Gaben

Vollgemessen!

Ach, ich merk'es! Wehe! Wehe!

Hab'ich doch das Wort vergessen!“

т. е. „Смотрите, онъ сбѣгаетъ къ берегу; по истинѣ, онъ уже у рѣки, и съ быстротою молніи онъ снова здѣсь и быстро льетъ воду. Уже во второй разъ! Какъ пухнетъ ведро! Какъ каждый сосудъ наполняется водою! Стой! стой! Вѣдь твой даръ для насъ полномѣренъ! Ахъ! я вижу это! Увы! увy! но забылъ слово“.

У Н. Холодковского переведено:

„Посмотрите: торопливо	Словно улетаю,
Онъ помчался къ рѣчкѣ, къ броду;	Мчится вновь бѣгомъ,
Вотъ вернулся онъ—и живо	Воду вновь до края
Выливаетъ на полъ воду.	Черпаетъ ведромъ.

Стой! Ужъ больно
Много лъешь ты!
Вновь несешь ты?
Стой! довольно!

Нѣтъ, къ рѣчкѣ бѣжить онъ снова!
Горе мнѣ, забылъ я слово!“

Въ первой строфѣ остались безъ перевода стихи:

„Und nun sollen seine Geister
Auch nach meinem Willen leben“,

т. е. „И теперь его духи должны поступать согласно моему желанію“.
Слабѣ другихъ переводъ послѣднихъ строфъ.

Подмастерье ювелира.

(„Der Goldschmiedegesell“).

Н. Холодковскій удачно передалъ все изящество этой пѣсни. Рима 2-го и 4-го стиха одинакова во всѣхъ семи строфахъ; эти повторенія содѣйствуютъ мѣрному колыханію ритма и они-то именно придаютъ всему стихотворенію пѣсенный характеръ. Это обстоятельство даетъ право причислить его къ пѣснямъ, а не къ балладамъ, къ которымъ оно относится въ изданіи Гербеля 1879 г. Въ сюжетѣ, который слишкомъ простъ и несложенъ для баллады, есть основаніе видѣть народную пѣсню. Указанная характеристичная черта въ размѣрѣ отмѣчена переводчикомъ, отчего и весь переводъ получилъ удивительное сходство съ подлинникомъ. (Уменьшительныя рѣзны: „Mädchen, Drätchen, Städtchen трудно перевести на русскій языкъ въ такомъ обилии, въ какомъ онѣ находятся въ нѣмецкомъ текстѣ, потому что вся пѣсня получила бы слащавый оттѣнокъ, чего совершенно нѣтъ у Гёте).

Инквизиторы.

Текстъ взятъ изъ „Paralipomena“ къ I части „Фауста“ (см. 311 стр., вейм. изданіе „соч. Гёте“ (Goethes Werke), 1413).

Н. Холодковскій скрашиваетъ недостатки формы подлинника, у него нѣтъ шероховатости. Относительно отдѣльных мѣстъ замѣтимъ слѣдующее.

У Гёте сказано:

„Die Dirne winkt, es ist schon gut“.

т. е.

„Служанка ли мигнетъ, это уже хорошо“.

У Холодковского:

„Жена мигнетъ—довольно съ насъ“.

У Гёте рисуется типъ людей, жаждущихъ крови, готовыхъ пролить ее по первому знаку кого угодно, будь то даже служанка; въ томъ-то и дѣло, что инквизиторы даже и ей въ угоду рѣшаются тиранить ближнихъ, не говоря уже о женѣ. Жена, какъ извѣстно, можетъ подвинуть на дурное даже хорошаго человѣка. Последняя строка у Гёте читается такъ:

„Ein Blutquell rieselt nie allein,
Es laufen andre Bächlein drein,
Sie wälzen sich von Ort zu Ort,
Es reißt der Strom die Ströme fort“.

т. е. „Потокъ крови никогда не струится одинъ, въ него впадаютъ другіе ручейки, они перекатываются съ мѣста на мѣсто, потокъ увлекаетъ потоки“.

У Н. Холодковского:

„Струится крови ручеекъ,
Еще ручей, еще потокъ,
Еще, еще.... Изъ ручейка
Течетъ кровавая рѣка“.

Остальные стихи переведены буквально.

Невѣрный юноша.

(„Der untreue Knabe“).

Про „дѣву съ черною косою“ у Гёте говорится во второй строфѣ, у Холодковского въ первой. Для того, чтобы ужасъ измѣнника произвелъ больше впечатлѣнія и для полноты картины въ подлинникѣ сказано: *Graus't sein Naar*“, чего въ переводѣ нѣтъ. У Гёте гораздо картиннѣе описано путешествіе рыцаря подѣ землю: (являются огни).

„Irr' führen ihn, die Quer und Läng'
Trepp' auf, Trepp' ab, durch enge Gäng,
Verfallne wüste Keller“.

т. е. Сбивъ съ пути, они ведутъ его вдоль и поперекъ съ ступеньки на ступеньку, черезъ узкіе корридоры, развалившіеся и необитаемые подвалы“.

Читатель самъ догадывается, что огни, о которыхъ здѣсь говорится, есть орудіе мстительнаго рока; Н. Холодковский же прямо указываетъ на это; та басня, въ которой стоитъ правоученіе, отдѣльно написанное, хуже той, гдѣ его нѣтъ. Вотъ его переводъ:

„И со ступени на ступень
Его во слѣдъ, сквозь мракъ и тѣнь,
Влечетъ Господня кара“.

Иногда онъ воленъ ¹⁾, но въ общемъ вѣрно передаетъ смыслъ подлинника.

Первоначально баллада эта появилась въ текстѣ неоконченной оперы Гёте „*Claudine von Villa Bella*“. Сюжетъ имѣетъ сходство съ англійской балладой „*Lucy and Collin*“, находящейся у Перси, гдѣ разсказывается, какъ Коллинъ, желавшій обвѣнчаться съ другой дѣвушкой, при видѣ трупа своей возлюбленной, палъ на мѣстѣ. Стихотвореніе написано въ народномъ духѣ и съ сокращеніями (*bet't, reit't, drauss* и т. д.).

Баллада объ изгнанномъ и возвращенномъ графѣ.

„*Ballade von vertriebenen und zurückkehrenden Grafen*“.

Это стихотвореніе перевели Н. Холодковский и А. Струговщиковъ. Переводъ Н. Холодковского былъ бы превосходенъ, если бы не недостатокъ въ 5-й строфѣ (смотри ниже). Во второй строфѣ разсказывается

¹⁾ Особен. 4-ая строфа.

о томъ, какъ графъ, съ дочкою на рукахъ, покидаетъ отцовскій домъ. Этому разсказу предпосылается стихъ („in nächtlichen Schrecken, in feindlichen Graus“), гдѣ дается общій тонъ картинѣ и читатель сразу настраивается такъ, какъ это угодно поэту. Переводъ же начинается прямо со второй строки, а о природѣ говорится въ концѣ, что не производитъ нужнаго впечатлѣнія. Плохо переведены слѣдующія строки:

„Der Bart wächst ihm länger und länger;
Doch wächst in dem Arme das liebliche Kind“....

т. е. „Борода растетъ у него все больше и больше, но и любимое дитя растетъ на рукахъ у него“.

У Н. Холодковского:

„И старость сѣдая приходитъ.
(Подъ кровомъ небеснымъ, роскошнымъ цвѣткомъ)
Растетъ его дочь молодая“.

Одна фраза отъ другой отдѣлена даже точкой. Пятая строфа начинается слѣдующими словами:

„Da reitet ein fürstlicher Ritter heran,
Sie recket die Hand aus, der Gabe zu nahn,
Almosen will er nicht geben.
Er fasset das Händchen so kräftlich an“

т. е.

„Какъ-то проѣзжалъ мимо князь,
Она протянула руку за подааніемъ;
Онъ не хотѣлъ подать милостыни.
Онъ такъ крѣпко схватилъ за ручку“.

(Далѣе говорится, что князь плѣнился красотой нищей дѣвушки и женился на ней).

Холодковский эти стихи переводитъ такимъ образомъ:

„Въ пути повстрѣчался имъ князь молодой—
И руку она протянула съ мольбой.
Невольно плѣнился онъ ею—
И руку схватилъ онъ могучей рукой“.

Надо замѣтить, что раньше не упоминается о томъ, что отецъ съ дочерью протягивали руки за милостыней на дорогахъ. Не зная этого, трудно понять о какой мольбѣ здѣсь идетъ рѣчь. Въ переводѣ строго выдержанъ размѣръ подлинника.

Переводъ Струговщикова есть вольная передача этой баллады и, хотя главная мысль ея и сюжетъ тѣ же, что и у Гёте, многіе стихи проведены слишкомъ свободно и неудачно. Такъ передъ отправленіемъ графа въ путь Творецъ Небесный

— „Цѣвницей его надѣляетъ
И въ высокую грудь кавалера-пѣвца
Вдохновенныя пѣсни влагаетъ“.

Струговщикова самъ сочинилъ эти стихи.

При встрѣчѣ съ княземъ дѣвушка робѣетъ и „затихаетъ, какъ кроликъ подъ печкой“. Къ счастью графъ самъ обратилъ на нее вниманіе; со старикомъ отцемъ онъ ведетъ цѣлый діалогъ. Все это или вставки или невѣрный переводъ. Размѣръ не выдержанъ и рима измѣнена.

Лѣсной царь.

(„Erlkönig“).

Въ 1781 г. Гёте написалъ „Рыбачку“; пѣсни, входившія въ нее, онъ заимствовалъ изъ „Народныхъ пѣсенъ“ Гердера. Тамъ же находится и датскій оригиналъ этой баллады. Вотъ ея содержаніе, которое показываетъ, насколько Гёте уклонился отъ первоначальной редакціи: Олуфъ однажды вечеромъ возвращался домой, какъ вдругъ увидѣлъ на лугу танцующихъ эльфовъ. Когда увидѣла его дочь ихъ короля, то подошла къ нему и попросила протанцовать съ ней, при чемъ предлагала 2 золотыя шпоры, бѣлую шелковую рубашку и золото. Но Олуфъ отказался танцовать подъ тѣмъ предлогомъ, что на слѣдующій день должна состояться его свадьба. Королевская дочь въ гнѣвѣ ударила его въ сердце и этотъ ударъ причинилъ ему страшную боль. На слѣдующее утро невѣста нашла его мертвымъ въ лѣсу. (Переводъ Гердера: „Frlen König (Erlkönig)“ невѣренъ; пужно „Elfenkönig“).

Число строфъ и строкъ въ переводѣ Жуковского сохранено въ точности, но размѣръ измѣненъ. У Гёте стихотвореніе написано амфибрахіемъ, чередующимся съ ямбомъ, у Жуковского вездѣ четырехстопный амфибрахій. Неровность размѣра какъ-бы характеризуетъ волненіе отца и ребенка; медленная и плавная рѣчь какъ-бы соответствуетъ таинственности разсказа. Жуковскій въ переводѣ первыхъ двухъ строфъ почти буквально передаетъ нѣмецкій текстъ, но далѣе проникается поэтической картиной, написанной вполне въ духѣ романтизма, и въ своемъ изложеніи доходитъ до необычайнаго пафоса, во многихъ мѣс-

тахъ высоко поднимаясь надъ оригиналомъ. Этотъ переводъ можно сравнить съ его переводомъ „Ивиковыхъ журавлей“ Шиллера (см. Чешихинъ „Жуковский, какъ переводчикъ Шиллера“ 35 стр.). Такая-же мѣткость выражений и удачныя отступленія; запоздалый, издрогнувъ— это слова, которыхъ нѣтъ у Гёте. Во второй строфѣ ребенокъ рисуетъ образъ лѣснаго царя:

(„Siest, Vater, du den Erbkönig nicht?)

Den Erbkönig mit Kron und Schweif?“

т. е. „Развѣ ты не видишь, отецъ, короля ольхъ въ коронѣ и съ хвостомъ“. Жуковский говоритъ:

„Родимый, лѣсной царь въ глаза мнѣ сверкнулъ.
Онъ въ темной коронѣ, съ сѣдой бородой“.

Образъ этотъ здѣсь рисуется немного иначе. Переводъ третьей строфы отстываетъ отъ текста.

У Гёте:

„Du liebes Kind, komm, geh mit mir!
Gar schöne Spiele spiel'ich dit mir;
Manch' bunte Blumen sind an dem Strand,
Meine Mutter hat manch gülden Gewand“

т. е.

„Милое дитя, пойдемъ со мной!
Въ прекрасныя игры мы будемъ съ тобою играть;
На морскомъ берегу много пестрыхъ цвѣтовъ,
У моей матери есть много золотыхъ одеждъ“.

У Жуковского:

„Дитя, оглянися, младенецъ ко мнѣ!
Веселаго много въ моей сторонѣ:
Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи,
Изъ золота слиты чертоги мои!“

О матери лѣснаго царя ничего не говорится; реальность происхожденія призрака не были по вкусу романтику, вслѣдствіе чего онъ пропустилъ этотъ образъ. Въ четвертой строфѣ у Гёте не упоминается о „золотѣ, перлахъ и радости“, но внесеніе этихъ словъ даетъ лишнія краски картинѣ. Пятая строфа читается такимъ образомъ:

„Willst, feiner Knabe, du mit mir gehn?
Meine Tochter sollen dich warten schön;

Meine Tochter fuhren den nächtlichen Reihn
Und weigen und tanzen und singen dich ein“

т. е.

„Желаешь-ли ты идти со мной, нѣжное дитя?
Мои дочери уже ждутъ тебя;
Онѣ ведутъ ночной хороводъ
И будутъ танцовать и убаюкивать тебя, качая и напѣвая“.

У Жуковского:

„Ко мнѣ, мой младенецъ; въ дубровѣ моей
Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей:
При мѣсяцѣ будутъ играть и летать,
Играя, летая тебя усыплять“.

Рѣдко можно встрѣтить другую болѣе романтическую картину, чѣмъ эта. Представленіе о ночномъ хороводѣ соединилось въ воображеніи поэта съ представленіемъ о мѣсяцѣ, о лунной ночи и, сохраняя форму и образы подлинника, Жуковский вноситъ въ переводъ яркость и живость игры своей фантазіи. Хотя поэтъ передѣлалъ нѣсколько стиховъ сообразно своему вкусу и настроенію, однако переводъ его, несмотря на это, по живости разсказа и живописности выраженія одинъ изъ лучшихъ переводовъ Гёте.

Переводъ Ѳ. Миллера подъ заглавіемъ „Царь лѣсовъ“ совершенно буквваленъ почти во всѣхъ своихъ частяхъ, но несомнѣнно написанъ подъ вліяніемъ перевода Жуковского, даже размѣръ одинъ и тотъ-же (амфибрахій). По языку онъ стоитъ гораздо ниже его. Встрѣчаются напр. такіа выраженія: „скачетъ сквозь вѣтеръ“; „спокойся, дитя!“ Заключеніе переведено слѣдующимъ образомъ:

„Съ трудомъ онъ примчался домой наконецъ;
Въ объятыхъ его былъ малютка-мертвецъ“.

Вотъ нѣкоторые сопоставленія съ переводомъ Жуковского.

У послѣдняго сказано:

„Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Бѣдокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой“.

У Миллера:

„Кто скачетъ сквозь вѣтеръ подъ мракомъ ночнымъ?
Отецъ запоздалый съ малюткой своимъ“.

У Гёте:

„Wer reitet so spät durch Nacht und Wind?
Es ist der Vater mit seinem Kind“

т. е.

„Кто скачетъ такъ поздно въ бурную ночь?
То—отецъ съ своимъ сыномъ“.

Такимъ образомъ сходство двухъ переводовъ не оправдывается подлинникомъ.

Пятая строфа у Миллера читается такъ (переводъ Жуковского см. выше):

„О милый младенецъ, поди-же ко мнѣ!
Тебя мои дочки утѣшать: онѣ
При мѣсяцѣ будутъ тебя забавлять,
Качая, танцую тебя усыплять“.

Здѣсь не только картина лунной ночи, какъ у Жуковского, но и сходство въ выраженіяхъ.

П ѣ в е ц ъ.

(„Der Sängер“).

А. Григорьевъ прекрасно перевелъ эту балладу, написанную въ духѣ среднихъ вѣковъ; мысль передана съ точностью, возможной въ стихотворномъ переводѣ. Вотъ образецъ:

Четвертая строфа у Гёте читается такъ:

„Die goldne Kette gieb mir nicht,
Die Kette gieb den Rittern,
Vor deren kühnem Angesicht
Der Feinde Lanzen splittern.
Gieb sie dem Kanzler, den du hast,
Und lass ihn noch die goldne Last
Zu andern Lasten tragen“.

У А. Григорьева:

„Цѣпь золотая не по мнѣ
Отдай ее героямъ,
Которыхъ взоры на войнѣ
Погибель вражьи строимъ.

Ее ты канцлеру отдай—
И къ ношамъ онъ пускай
Прибавить золотую“.

Переводъ буквальный.

А. Струговщиковъ въ своемъ переводѣ удержалъ форму подлинника. Изъ шести строфъ, составляющихъ стихотвореніе, первыя три переведены вольно, остальные очень удачно и близко къ тексту. Вотъ примѣры вольнаго и буквального перевода.

Первая строфа у Гёте читается:

„Was hör'ich draussen vor dem Thor
Was auf der Brücke schallen?
Lass den Gesang vor unserm Ohr
Im Saale wiederhallen!
Der König sprach's, der Page lief;
Der Kuabe kam, der König rief:
Lasst mir herein den Alten!“

т. е.

„Что слышу я тамъ предъ дверьми,
Что на мосту зазвучало?
Пусть пѣсня раздается въ залѣ
Предъ нашими ушами!
Король сказалъ это, нажъ побѣжалъ;
Пришелъ мальчикъ, король закричалъ:
„Введите ко мнѣ старца!“

У А. Григорьева:

„Что тамъ за пѣсня на мосту
Подъемномъ зазвучала?
Хочу я слышать пѣсню ту
Здѣсь, посрединѣ зала;
Король сказалъ—и нажъ бѣжить
Вернулся; снова говорить
Король: „введи къ намъ старца!“

У А. Струговщикова:

„Звучить-ли арфа за стѣной,
Пѣвца-ли голосъ раздается?
Зовите! Пусть передо мной
Звукъ этой пѣсни отзовется!—

И старца вводятъ въ дворецъ,
И съ изумленіемъ пѣвца
Привѣтствуетъ собранье“.

Эта перефразировка слаба и некартинна. Нѣтъ многихъ образовъ: короля, пажа, подъемнаго моста у замка и т. д. Такимъ-же характеромъ отличаются и слѣдующія двѣ строфы. Съ 4-ой начинается переводъ близкій къ тексту (который см. выше).

У Струговщикова:

„Сокровищъ мнѣ не предлагай,
Мнѣ цѣпи золотой не надо;
Ты ея доблесть награждай,
То храбрыхъ витязей награда!
И вмѣстѣ съ ношею другой
Пусть носитъ вѣрный канцлеръ твой
И ношу золотую“.

Переводъ К. Аксакова образцовый. Это одинъ изъ лучшихъ переводовъ Гёте.

Переводъ Шкляревскаго воленъ во многихъ мѣстахъ. Такъ начало третьей строфы у Гёте читается слѣдующимъ образомъ:

„Der Sänger drückt die Augen ein;
Und schlug in vollen Tönen;
Die Ritter schauten muthig drein,
Und in den Schoos die Schönen“

т. е.

„Пѣвецъ закрылъ глаза; гремѣть
Напѣвы полны силы:
Взоръ рыцарей смѣлѣй, и взглядъ
Прекрасныя склонили“ (пер. Аксакова).

Шкляревскій переводить:

„Пѣвецъ склонилъ на арку взглядъ,
Зарокотали струны—
И души рыцарей кипятъ
И млѣютъ дѣвы юны“.

Кромѣ этихъ переводовъ существуетъ еще подражаніе или, точнѣе говоря, пѣсня, написанная на одну тему съ балладой, Катенина.

Дѣйствіе происходитъ не въ средневѣковомъ замкѣ короля, а въ „Стольномъ Кіевѣ“. Описывается пиръ князя Владиміра съ его дружиной. Одно веселье пира не удовлетворяетъ князя, необходимъ пѣвецъ; за нимъ посылаютъ, и вотъ является Усладъ. Съ этого мѣста начинается вольный переводъ стихотворенія Гёте (съ третьей строфы). Вмѣсто „рыцарей“ здѣсь „дружина“; вмѣсто „золотой цѣпи“, которую князь велитъ повѣсить пѣвцу на шею, „золотая гривна“, вмѣсто „кандлера“, „боаре“. Какъ и у Гёте, пѣвецъ отказывается отъ золотой цѣпи и проситъ отдать ее другому, восхваляетъ при этомъ рыцарей, пьетъ кубокъ вина и съ восторгомъ говоритъ о своей профессіи (поетъ, какъ птица въ полѣ, и ничего больше себѣ не желаетъ). Вотъ примѣръ перевода (предпоследняя строфа).

У Гёте:

„Ich singe, wie der Vogel singt,
Der in der Zweigen wohnt,
Das Lied, das aus der Kehle dringt,
Ist Lohn, der reichlich lohnet;
Doch darf ich bitten, bitt'ich eins:
Lasst mir den besten Becher Weins
In purem Golde reichen“.

т. е.

Я пою, какъ птица,
Которая живетъ на вѣтвяхъ;
Пѣсня, которая исходитъ изъ горла,
Есть награда, награждающая по-царски;
Но я долженъ попросить объ одномъ:
Пусть дадутъ мнѣ лучшій бокаль вина
Изъ чистаго золота“.

У Катенина:

„Я пою, чего мнѣ болѣ?
Пѣснь отъ сердца даръ драгой.
Если-жъ хочешь, князь, награду
По желанью дать Усладу:
Пусть почтитъ меня княжна
Кубкомъ свѣтлаго вина“.

П р я х а.

(„Die Spinnerin“).

М. Михайловъ не совсѣмъ вѣрно передалъ форму баллады; въ противоположность Гёте онъ опускаетъ риѳму въ первой и третьей строкѣ каждого куплета. Если у Гёте стоитъ вопросъ (во второй строкѣ и послѣдней), Михайловъ пропускаетъ его; если стоитъ восклицаніе (въ 4-ой строкѣ), онъ и его не передаетъ. Такое отношеніе къ тексту вредитъ живости разсказа. Къ тому же переводъ первыхъ строкъ (2-ой и 3-ей) воленъ.

Передъ судомъ.

(„Vor Gericht“).

Существуетъ два перевода этого прекраснаго стихотворенія: М. Михайлова и Н. Гербеля. Предпочтеніе надо отдать послѣднему, хотя и онъ переводитъ съ вѣшной стороны неудовлетворительно. У Гёте баллада написана ямбомъ по преимуществу, первыя строки двухъ первыхъ строкъ амфибрахіемъ. У Михайлова и Гербеля—ровный размѣръ, у перваго анапестъ, у втораго амфибрахіи. Переводъ Михайлова букваленъ, легко читается и написанъ очень тщательно, переводъ Гербеля воленъ и во второй строкѣ невѣренъ.

У Гёте сказано:

„Mit wem ich mich traute, das sag'ich euch nicht.
Mein Schatz ist lieb und gut,
Trägt er eine goldene Kett'am Hals,
Trägt er einen strohenden Hut“

т. е.

„Съ кѣмъ я слюбилась, этого вамъ не скажу.
Мое сокровище мило и пригоже,
Чтобы оно не носило, золотую-ли цѣпь на шеѣ,
Или соломенную шляпу“.

У Гербеля:

„Оставьте меня: не скажу ничего!
Желанный—онъ въ сердцѣ моемъ.
Колеблются перья на шляпѣ его
И цѣпь золотая на немъ“.

Гербель ясно указывает на положеніе любовника въ обществѣ: онъ богатъ и знатенъ; объ этомъ Гёте ничего не говоритъ. Такъ какъ эта строфа составляетъ центръ всего стихотворенія (главная мысль заключается въ томъ, что нѣтъ ничего позорнаго, если женщина отдастся кому нибудь не изъ за корысти, а по любви), то и переводъ можетъ быть названъ удачнымъ.

Молодой дворянинъ и мельничиха.

(„Der Edelknabe und die Müllerin“).

Переводъ П. Вейнберга дословенъ почти во всѣхъ частяхъ, но риѳма (въ данномъ случаѣ довольно трудная для передачи) не такая, какъ у Гёте, хотя и не портитъ общаго тона.

Подмастерье и мельничный ручей.

(„Der Junggesell und der Mühlbach“).

Въ переводѣ этой баллады П. Вейнбергъ уже не такъ близко придерживается текста, какъ въ переводѣ предыдущей, но и здѣсь онъ точенъ.

Вотъ напр. переводъ второй строфы:

„Я былъ свободнымъ ручейкомъ;
Меня схватили
И въ направленіи такомъ
Мнѣ путь прорыли,
Чтобъ только къ мельницѣ всегда
Бѣжала вся моя вода“.

У Гёте:

„Ich war ein Bächlein, Junggesell;
Sie haben
Mich so gefasst, damit ich schnell
Im Graben
Zur Mühle dort hinunter soll
Und immer bin ich rasch und voll“

т. е.

„Я былъ маленькимъ ручейкомъ,
Молодой подмастерье,
Они меня схватили такимъ образомъ,
Чтобы я быстро во рву
Нисходилъ къ мельницѣ
И всегда былъ быстръ и полонъ.

Образъ измѣненъ въ переводѣ слѣдующихъ строкъ:
У Гёте:

„Dann stürz'ich auf die Räden mich
Mit Brausen
Und alle Schaufeln drehen sich
Im Sausen“

т. е.

„Тогда я съ ревомъ бросаюсь на колеса,
И всѣ лопасти съ шумомъ вертятся“.

У П. Вейнберга:

„Бросаюсь на колеса я—
И загудѣла,
Стучить вся мельница моя“.

Мыслей, понятыхъ не вѣрно, въ переводѣ не встрѣчается.

Измѣна мельничихи.

(„Der Müllerin Verrath“).

Эту балладу перевели: О. Миллеръ и Н. Холодковский, но какъ у одного, такъ и другого замѣчаются существенные недостатки.

У Миллера первая строфа читается такимъ образомъ.

„Откуда раннею порой
Идетъ красавецъ молодой?
Не укрѣплялъ-ли онъ мольбой
Себя въ часовнѣ той лѣсной?
Предъ нимъ ручей, шума, струится—
И босикомъ идетъ онъ вбродъ.
Куда по скаламъ онъ стремится?
Что черезъ нихъ его влечетъ?“

У Гёте сказано:

„Woher der Freund so früh und schnell,
Da kaum der Tag im Osten graut?
Hat er sich in der Wald Kapelle,
So kalt und frisch es ist, erbaut?
Es starret ihm der Bach entgegen;
Mag er mit Willen barfuss gehn?
Was flucht er seinen Morgensegen
Durch die beschneiten wilden Höhn?“

т. е. „Откуда, другъ, такъ рано и такъ скоро, когда едва на восто-
кѣ начинается день? выстроилъ ли онъ себѣ часовню въ лѣсу, гдѣ
такъ холодно и свѣжо; ему навстрѣчу пристально смотреть ручей; или
(также [смыслъ одинъ и тотъ же]: „напротивъ него цѣпенѣтъ ручей“).
Можетъ ли онъ нарочно идти съ босыми ногами; почему онъ произ-
носить свою утреннюю молитву богохульствуя, по свѣжнымъ дикимъ
высотамъ“.

Пропустивъ нѣсколько фразъ („so kalt und frisch es ist“, послѣднія
строки), Миллеръ совершенно измѣнилъ картину. Изъ его перевода не
видно, чтобы дѣйствіе происходило въ ту пору, когда все цѣпенѣтъ
отъ холода; да и юноша съ босыми ногами не страдаетъ отъ стужи.
Двѣ послѣднія строки, очень сильныя и эффектныя, совсѣмъ не пере-
ведены.

Далѣе у Гёте (2-ая половина четвертой строфы):

„Konnt'ich in ihren Armen träumen,
Wie meuchlerisch der Busen schlug?
Sie, hiess den holden Amor säumen,
Und günstig war er uns genug“.

т. е.

„Могъ ли я мечтать въ ея объятяхъ,
Какъ измѣннически билось ея сердце?
Она заставила промедлить прелестнаго
Амура и онъ былъ достаточно къ намъ благосклоненъ“.

У Ѳ. Миллера:

„Увы, къ ней страстно прижимаясь,
Измѣны ль ждалъ я отъ нея?
Желаннымъ счастьемъ наслаждаясь,
Былъ ослѣпленъ любовью я“.

Начало шестой строфы читается у Гёте:

„Das war ein Toben, war ein Wüthen!
Ein jeder schien ein andres Thier.
Sie forderten des Mädchen Blüthen
Mit schrecklichem Geschrei von mir.

У Миллера:

„Поднялся крикъ и гамъ въ свѣтлицѣ—
Какъ звѣри начали всѣ выть.
За честь поруганной дѣвицы
Имъ мнѣ хотѣлось прирозить“.

Буквальный переводъ:

„То былъ шумъ, то было неистовство!
Каждый казался другимъ звѣремъ.
Они требовали съ страшнымъ крикомъ
Отъ меня цвѣта дѣвицы“.

Смысл подчеркнутыхъ строкъ переданъ вѣрно, но у Гёте—изящный образъ, у Миллера только его толкованіе. Девятая строфа у Гёте:

„Man soll euch Mädchen auf dem Laude,
Wie Mädchen aus den Städten, fliehn.
So lasset doch den Fraun von Stande
Die Lust, die Diener auszuziehn!
Doch seydt ihr auch von den Geübten
Und kennt ihr keine zarte Pflicht,
So ändert immer die Geliebten,
Doch sie verrathen musst ihr nicht“.

т. е. „Надо васъ, дѣвицъ въ деревнѣ, какъ и въ городахъ избѣгать. Предоставляйте же женщинамъ хорошаго круга удовольствіе раздѣвать своихъ прислужниковъ. Но, если вы изъ опытныхъ и не знаете пѣжнаго долга, то всегда перемѣняйте возлюбленныхъ, но не измѣняйте имъ“.

У О. Миллера:

„И сельскихъ дѣвъ, я вижу, надо
Какъ горожанокъ избѣгать,
Нето за пѣжность всю въ награду
Позоръ придется испытать.
Ахъ, дѣвы, дѣвы, измѣняйте,
Коль вы лишь любите на мигъ!
Мѣняйте, но не выдавайте
Такъ зло любовниковъ своихъ“.

Смысл этой строфы переданъ вѣрно, но не въ тѣхъ выраженіяхъ какъ у Гёте.

Такимъ образомъ переводъ Миллера воленъ и слабъ во многихъ мѣстахъ. Размѣръ и форма стихотворенія удержаны.

О переводѣ Н. Холодковского можно составить понятіе, если сравнить хотя бы переводъ первой строфы съ подлинникомъ. У Гёте (см. выше).

Переводъ:

„Въ одномъ плащѣ, въ часы разсвѣта,
Откуда, холодомъ гонимъ,
Вѣжишь ты такъ? Теперь не лѣто
И ты, мой другъ, не пилигримъ!
Къ вершинѣ снѣжной, босоногій,
Безъ панталонъ и безъ сапогъ
Ты пробѣжалъ лѣсной дорогой.
Какъ допустить ты это могъ?“

Общая мысль передана вѣрно; также точно переведены и остальные строфы, за исключеніемъ начала 6-ой и 7-ой.

У Холодковского:

„Они шумѣли, бушевали—
Звѣрье, скоты—и наконецъ
Рукою дерзостной сорвали
Мои цвѣты и мой вѣнецъ“.

(Текстъ Гёте см. выше).

О какихъ „цвѣтахъ“ и „вѣнцѣ“ здѣсь говорится, трудно догадаться.

Седьмая строфа начинается такъ:

„Weiss Amor seinem schönen Spiele
Doch immer zeitig nach zugehn!
Er lässt fürwahr nicht in der Mühle
Die Blumen sechzehn Jahre stehn“

т. е. „Если амуръ всегда во время умѣетъ играть свои прекрасныя игры, то онъ по истинѣ не позволитъ цвѣтамъ стоять на мельницѣ 16 лѣтъ“.

У Холодковского:

„Хитрецъ Амуръ всегда положить
Любви предѣлъ въ ея пути:
Конечно, плодъ любви не можетъ
Сто лѣтъ на мельницѣ цвѣсти“.

У Гёте Амуръ выставляется поборникомъ нѣжнаго чувства, его глашатаемъ, у Холодковского онъ препятствуетъ ему и ставитъ на его пути преграды.

Раскаяніе мельничихи.

(„Der Müllerin Reue“).

Н. Холодковский перевелъ это стихотвореніе амфибрахіемъ. Его переводъ близокъ къ подлиннику, хотя есть мѣста, гдѣ онъ передаетъ мысль поэта въ образахъ, принадлежащихъ ему самому; вотъ одно изъ такихъ мѣстъ.

У Гёте:

„So lange die Quelle springt und rinnt,
So lange bleiben wir gleichgesinnt,
Eins an des Andern Herzen“

т. е. „Пока прыгаетъ и течетъ источникъ, до тѣхъ поръ мы будемъ оставаться при однихъ убѣжденіяхъ, одинъ у сердца другого“.

У Н. Холодковского:

„Какъ тихія свѣтлыя воды ручья,
Пусть мирно течетъ нашей жизни струя
Въ союзѣ сердецъ неизмѣнномъ!“

Вліяніе издали.

(„Wirkung in die Ferne“).

Переводъ Н. Холодковского удаченъ и вѣрно передаетъ нѣмецкій текстъ; очень часто совершенно буквально; прибавленіемъ собственныхъ словъ и выраженій онъ какъ-бы усиливаетъ яркость извѣстнаго образа. Такъ въ началѣ баллады у Гёте говорится:

„Die Königin steht im hohen Saal,
Da breunen der Herzen so viele“

т. е.

„Королева стоитъ въ высокомъ залѣ,
Гдѣ горитъ такъ много свѣчей“.

У Холодковского:

„Залъ высокій пылымъ блескомъ горитъ,
Яркимъ пламенемъ свѣчъ озаряемъ“.

Въ другомъ мѣстѣ у Гёте:

„Der Page drängt sich zur Königin gross
Durch alle die Degen und Fächer“

т. е.

„Пажъ тѣснится къ великой королевѣ
Черезъ ряды шпагъ и вѣровъ“.

У Холодковского:

„Гордо межъ вѣровъ и сверкающихъ шпагъ
Пажъ протискался прямо къ царицѣ“¹⁾.

Размѣръ перевода не соответствуетъ подлиннику: у Гёте преимущественно амфибрахій, хотя попадаются и иномѣрные стопы, у Холодковского преимущественно анапестъ.

Р ы б а н ь.

(„Der Fischer“).

Если разсматривать переводъ съ формальной стороны, то у Жуковского онъ безукоризненъ; но волею въ передачѣ самаго текста. Интересенъ отзывъ объ этомъ переводѣ одного изъ критиковъ „Невскаго Зрителя“. Онъ возмущается стихами Жуковского и, говоря о первой строфѣ замѣчаетъ: „Первый стихъ какъ-бы гвоздями прибитъ на обоихъ полустушияхъ. Трудно изъяснить красоту его; но конечно найдутся и для него защитники и будутъ доказывать, что стихъ сей звуко-подражательнъ. Если это и правда, то онъ мѣрою и падениемъ своимъ выражаетъ болѣе *звонъ въ набатъ*“. Далѣе: „Одинъ мой знакомецъ, великій литераторъ, называетъ эти стихи отбоинными ямбами. Подлинно отбоинные! желательно, чтобы они скорѣй ударили отбой изъ русской словесности“. Про фразу:

„Душа полна
Прохладной тишиной“,

онъ говоритъ: „Что за качество тишины прохладной? поэтому есть и теплая тишина и знойный шумъ и т. п....“

Стихъ:

„Сидитъ онъ часъ, сидитъ другой,
Вдругъ шумъ въ волнахъ притихъ—

¹⁾ Подчеркнутыхъ выраженій нѣтъ у Гёте.

И влажной выплыла главой
Красавица изъ нихъ“.

„Шумить“ для него „самымъ несноснымъ образомъ“. Онъ восклицаетъ: „Какъ? голова красавицы составлена изъ влаги? теперь мы видимъ, что она была, по крайней мѣрѣ, не пуста“ и т. д. Подписана статья всевдонимомъ: „Житель Галерной гавани“¹⁾. Очевидно, для него многіе образы остались непонятными.

Вторая половина первой строфы у Гёте читается слѣдующимъ образомъ:

„Und wie er sitzt und wie er lauscht,
Theilt sich die Fluth empor;
Aus dem bewegten Wasser rauscht
Ein feuchtes Weib hervor“

т. е.

„Когда онъ сидѣлъ и подслушивалъ,
Раздѣлилась на двое волна;
И изъ взволнованной воды съ шумомъ
Всплыла влажная женщина“.

У Жуковского:

„Сидитъ онъ часъ, сидитъ другой,
Вдругъ шумъ въ волнахъ притихъ....
И влажною всплыла главой
Красавица изъ нихъ“²⁾.

Во второй строфѣ онъ смягчилъ рѣзкость выраженія русалки про людей и ихъ хитрость, можетъ быть съ умысломъ. Русалка говоритъ рыбаку:

„Was lockst du meine Brut
Mit Menschen-Witz und Menschenlist
Hinauf in Todes Gluth?“

т. е.

„Зачѣмъ ты манишь мой народъ
Съ умомъ и хитростью человѣка
Наверхъ въ смертный жаръ?“

¹⁾ „Невскій Зритель“ 1821 г. ч. V.

²⁾ Русалка у Гёте всплываетъ изъ пѣнящихся волнъ рѣки, у Жуковского передъ ея появленіемъ шумъ воды стихаетъ.

У Жуковского:

„Зачѣмъ ты мой народъ
Манишь, влечешь съ родного дна.
Въ кипучій жаръ изъ водъ?“

Третья строфа переведена почти буквально. Въ четвертой опять отступление отъ текста:

У Гёте:

„Das Wasser rauscht, das Wasser schwoll,
Netz' ihm den nackten Fuss....“

т. е.

„Вода зашумѣла, вода вскипѣла,
Намочила ему голую ногу“.

Жуковский перевелъ:

„Бѣжитъ волна, шумитъ волна.....
На берегъ валъ плеснулъ“.

Конецъ строфы переведенъ очень живо, хотя образъ возлюбленной пропалъ въ его передачѣ, обратившись въ одно лишь привѣтствіе друга. Страсть выраженія была не въ характерѣ поэта. Вотъ эти строки (слѣдующія за вышеуказанными):

„Sein Herz wuchs ihm so sehnsuchtsvoll,
Wie bei der Liebsten Gruss“

т. е.

„Его сердце такъ переполняется тоскою,
Какъ при привѣтствіи милой“.

У Жуковского:

„Въ немъ вся душа тоски полна,
Какъ будто другъ шепнулъ“.

Кромѣ перевода Жуковского существуетъ еще переводъ Я. Полонскаго, названный въ полномъ собраніи сочиненій „вольнымъ переводомъ Гёте“ ¹⁾. Размѣръ баллады онъ измѣнилъ (вмѣсто 4-хъ стопныхъ ямбовъ съ 3-хъ стопными у Полонскаго являются 5-ти стопные, усѣченные 4-хъ стопными). Всѣ мысли подлинника переданы вѣрно, кромѣ начала первой строфы.

¹⁾ Сочиненія Я. Полонскаго т. II изд. 1869 г.

Такъ у Гёте:

„Das Wasser rauscht', das Wasser schwoll,
Ein Fischer sass daran,
Sah nach dem Angel ruhevoll,
Kühl bis ans Herz hinan“.

т. е.

„Вода шумить, вода кипить,
Подлѣ сидитъ рыбакъ,
Смотритъ, полный спокойствія, на уду,
Холодный (*продрогшій*) до самаго сердца“.

У Я. Полонскаго:

„Вода бѣжитъ, шумитъ, колышетъ
Едва замѣтный поплавокъ,
Рыбакъ поникъ и жадно дышетъ
Прохладой, глядя на потокъ“.

То спокойствіе, какимъ рыбакъ наслаждается у рѣки, не отмѣчено въ переводѣ (выраженіе „жадно дышетъ“ не выражаетъ спокойствія и холодности его настроенія). Вслѣдствіе этого и окончаніе стихотворенія не производитъ такого впечатлѣнія, какъ окончаніе у Гёте или Жуковскаго. Подъ вліяніемъ нѣжныхъ рѣчей русалки рыбакъ забывается и контрастъ между прежнимъ покоемъ его и теперешнимъ увлеченіемъ не отмѣненъ въ достаточной степени. Фраза

„Невольный жаръ овладѣваетъ
Въ немъ замирающей душой“.

(при встрѣчѣ съ дѣвой водъ) уже не привлекаетъ вниманія читателя.

Гёте любилъ купаться при лунномъ свѣтѣ въ водахъ Ильма. Однажды онъ испугалъ крестьянина, проходившаго мимо, тѣмъ, что началъ испускать дикіе крики, высовываясь изъ воды и вновь скрываясь; крестьянинъ, принимая его за водяного духа, въ ужасномъ страхѣ пустился бѣжать прочь: существовало, да и теперь еще существуетъ повѣрье, что въ Ильмѣ живутъ разные духи (о письмѣ г-жи Штейнъ см. у Вейнберга въ его изданіи „Соч. Гёте“).

Свадебная пѣснь.

(„Hochzeitlied“).

Переводъ Ѳ. Миллера красивъ, но во многихъ мѣстахъ не соотвѣтствуетъ тексту; правда, есть стихи, которые, вслѣдствіе ихъ звукоподражательнаго характера, невозможно передать на русскомъ языкѣ. Таковы слѣдующіе (карлики открываютъ балъ):

„Da pfeift es und geigt es und klinget und klirrt,
Da ringelt's und schleift'es und rauschet und wirrt,
Da pispert's und knistert's und flistert's und schwirrt“.

Вотъ отступленія наиболѣе существенныя:

Вначалѣ у Гёте говорится, что графъ возвратился домой изъ „священной войны“, тогда какъ изъ русскаго перевода не видно, на какой онъ войнѣ сражался. Одно слово иногда рисуетъ цѣлую картину, напр., какъ здѣсь картину крестовыхъ походовъ.

Графъ только расположился спать, какъ вдругъ передъ нимъ является карликъ:

... „so zierlich mit Ampelenlicht,
Mit Rednergebärden und Schprecher Gewicht“.

т. е.

„Такой хорошенькій со свѣтильникомъ,
Съ осанкой и важностью оратора“.

Миллеръ такъ переводитъ это мѣсто:

„(Но вдругъ предъ постелью въ ногахъ)
Является съ маленькой лампой въ рукахъ
Премиленькій карликъ“.

Здѣсь пропущено нѣсколько словъ, которыя дорисовываютъ фигуру маленькаго человѣка. Въ четвертой строфѣ у Гёте говорится:

„Und wenn de vergönnest und wenn dir nicht graut,
So schmausen die Zwerge, behaglich und laut,
Zu Ehren der reichen, der niedlichen Braut“.

т. е. „И если ты позволяешь, и если ты не боишься, то карлики будутъ пировать уютно и шумно, въ честь богатой и миловидной невѣсты.“

У Миллера:

„Для свадьбы у насъ ужъ назначенъ и часъ—
Итакъ, ужъ позволь намъ въ послѣдній хоть разъ
Собратся здѣсь: ты не боишься вѣдь насъ?“.

Неудачно переведено начало заключительной строфы.
У Гёте скасано:

„Und sollen wir singen, was weiter geschehn,
So schweige das Toben und Tosen.
Denn was er, so artig, im Kleinen gesehn,
Erfuhr er, genoss er im Grossen“.

т. е. *„и если намъ нѣтъ про то, что случилось дальше, то пусть затихнетъ топотъ и шумъ. Что онъ видѣлъ такъ образно въ малыхъ раз-
мѣрахъ, узналъ онъ, испыталъ въ большихъ“*.

У Θ. Миллера переведено:

„Теперь, захотите вы, можетъ быть, знать
Что далѣе съ графомъ случилось?
Что въ ночь ту пришлось ему увидать,
То послѣ съ нимъ въ явь свершилось“¹⁾.

Форма и размѣръ баллады удержаны.

Богъ и баядера.

(„Der Gott und die Bajadere“).

Переводы этой баллады принадлежатъ: Неизвѣстному, К. Аксакову, Петрову, гр. А. Толстому и Минаеву. Разберемъ сначала переводъ А. Толстого, не потому что онъ лучше другихъ, но потому, что онъ принадлежитъ извѣстному поэту. Онъ воленъ, и въ немъ не замѣтно стремленія къ точности въ передачѣ фразъ и выражений, хотя духъ подлинника переданъ замѣчательно вѣрно. Лучше другихъ строфъ переведены 15-ая, 16-ая, 17-ая и 18-ая; особенно двѣ послѣднія, гдѣ поэтъ не такъ вольно обращается съ текстомъ. Въ пятой строфѣ у Гёте сказано:

¹⁾ Дѣло не въ томъ, что графъ видѣлъ свадьбу во снѣ, а въ томъ, что она происходила у карликовъ, маленькихъ человѣчковъ, и только въ такомъ смыслѣ она сравнивается со свадьбой самого графа.

„Sinkt zu seinen Füßen nieder,
Nicht um Wollust noch Gewinnst,
Ach! und die gelenken Glieder.
Sie versagen allen Dienst“.

т. е.

Она бросается къ его ногамъ
Не изъ-за страсти (буквально перевести трудно)¹⁾
Ахъ! и гибкіе члены
Совсѣмъ отказываются служить ей“.

У А. Толстого:

„Пала ницъ въ сердечной боли
И не надо ей даровъ,
И для пляски нѣту воли
И для рѣчи нѣту словъ“.

Переводъ вѣрно передаетъ мысль поэта (если вторую строку понимать въ томъ смыслѣ, что баядера „не нуждается въ дарахъ“ любви, а не въ другихъ какихъ-либо), но выражаетъ ее въ собственныхъ образахъ. Здѣсь переводъ стоитъ на высотѣ подлинника, чего нельзя сказать о другихъ стихахъ, правда немногихъ; за только что приведенной фразой у Гёте слѣдуетъ такая:

„Und so zu des Lagers vergnüglicher Feier
Bereiten den dunkeln behaglichen Schleier
Die nächtlichen Stunden das schöne Gespinnst“.

Въ переводѣ К. Аксакова:

„И вотъ ужъ къ отрадному празднеству ложа
Соткали, вечерніе мраки умножа,
Густую завѣсу ночные часы“.

У А. Толстого:

„Но солнце заходить, и мракъ наступаетъ,
Избранное ложе чету принимаетъ,
И ночь опустила надъ ними покровъ“.

Роскоши красокъ нѣмецкаго текста здѣсь нѣтъ.

Переводъ А. Петрова также не вездѣ близокъ къ тексту: напр. во второй строфѣ, гдѣ богъ и баядера обмѣниваются привѣтствіями, у

¹⁾ Собств. „не изъ-за выгоды страсти“.

него только сказано, что между ними послѣдоваль „привѣтъ взаимный“ и т. п. Переводу А. Толстого онъ уступаетъ въ красотѣ и изяществѣ стиха и выраженія.

Переводъ К. Аксакова очень удаченъ, форма стихотворенія передана вѣрно (одна неточность: послѣдній стихъ каждого трехъ-стишія не имѣетъ рѣзны). За немногими исключеніями онъ совершенно буквальный. Вотъ они:

У Гёте сказано (Богъ сходить на землю):

„Sieht er, mit gemalten Wangen,
Ein verlornes schönes Kind“.

т. е.

„Видитъ онъ съ *раскрашенными щеками*
Потерянное прекрасное дитя.

У К. Аксакова:

Видитъ онъ, съ огнемъ во взорѣ,
Сладострастное дитя“.

Одинъ образъ замѣненъ другимъ. Въ другомъ мѣстѣ про баядеру говорится:

„Und er fordert Sklavendienste;
Immer heitrer wird sie nur,
Und des Mädchens frühe Künste
Werden nach und nach Natur“.

т. е.

„И онъ требуетъ отъ нея рабской службы;
А она становится все веселѣе и веселѣй
И прежняя искусственность ¹⁾
Постепенно переходитъ въ естественное чувство.

У Аксакова:

Онъ (богъ) услугъ рабы желаетъ;
Новой радостью полна,
Всѣ велѣнья исполняетъ
Гостя юнаго она“.

Пропущено два стиха. Вотъ всѣ отступленія отъ текста, которыя встрѣчаются въ переводѣ; онъ озаглавленъ: „Магадева и баядера“.

Въ балладѣ этой замѣчается оригинальное чередованіе длинныхъ и короткихъ строфъ. У Дм. Минаева всюду ровный амфибрахій, каждыя

¹⁾ Т. е. дѣланность, ложь, неестественность въ обращеніи съ людьми.

три строки, слѣдующія за длинной строфой, у него передаются четырьмя (кромя стиховъ 75—77). Что касается содержанія, то переводъ его точенъ; восточный характеръ стихотворенія, постепенное возрастаніе драматическаго интереса, живость разказа,—все это въ немъ ясно выражено. Его нельзя назвать буквальнымъ, нѣкоторые мѣста сокращены, въ иныхъ прибавлено двѣ или три фразы, но смыслъ отъ этого нисколько не страдаетъ, и если одинъ образъ замѣняется другимъ, то соотвѣтствуетъ ему въ силѣ и яркости.

Коринѣская невѣста.

(„Die Braut von Korinth“).

Второй и послѣдній переводъ изъ Гёте гр. А. Толстого—это баллада: „Коринѣская невѣста“. Онъ вездѣ близокъ къ подлиннику, вездѣ вѣрно передаетъ его смыслъ. Даже тамъ гдѣ поэтъ отступаетъ отъ текста, сила передачи мысли соотвѣтствуетъ силѣ оригинала, за немногими исключеніями. Одинъ изъ недостатковъ перевода—отсутствіе восклицаній. Вотъ эти стихи (кромя того они переведены хуже другихъ). У Гёте сказано (мать, заставъ свою дочь въ объятіяхъ юноши, въ изумленіи останавливается у двери):

„(So zur Thür hinein);
Bei der Lampe Schein
Sieht sie—Gott! sie sieht ihr eigen Kind!

т. е.

„При свѣтѣ лампы она видитъ—
Боже! видитъ собственное дитя“.

У А. Толстого:

„Такъ возмущена
Входитъ въ дверь она
И дитя родное узнаетъ“.

Въ другомъ мѣстѣ Гёте говоритъ:

„Bleibe, schönes Mädchen! ruft der Knabe,
Rafft von seinem Lager sich geschwind;
Hier ist Ceres, hier ist Bacchus Gabe;
Und du bringst den Amor, liebes Kind!

т. е. „Постой, прекрасная дѣвушка! воскликнулъ юноша, схватываясь стремительно съ своего ложа. Вотъ здѣсь дары Цереры, здѣсь—Вакха; а ты, милое дитя, приносишь Амура“.

А. Толстой переводить:

„Дѣва, стой! воскликнулъ онъ, со мною
Подожди до утренней поры!
Вотъ смотри, Церерой золотою,
Вакхомъ вотъ посланные дары;
А съ тобой придетъ молодой Эротъ,
Съ нимъ же свѣтлы игры и пиры“.

Переводъ очень свободенъ; слабо переведено слѣдующее мѣсто:
Дѣвушка отдается юношѣ,

„Klag—und Wonnelaut
Bräutigams und Braut,
Und des Libestammelns Raserei“

т. е.

„Это—звукъ воплей блаженство
Невѣсты и жениха,
И неистовство любовнаго лепета“.

У А. Толстого:

„То любви недугъ,
Поцѣлуевъ звукъ:
И еще, и снова, и опять!“

Сила выраженія Гёте ослаблена. Размѣръ тотъ же, что и у Гёте, за исключеніемъ приведенныхъ стиховъ; въ переводѣ видѣнъ талантъ первокласснаго художника, который старается не выступать изъ рамокъ, поставленныхъ ему оригиналомъ, и по возможности точно слѣдуетъ ему.

Кладокопатель.

(„Der Schatzgräber“).

Переводъ Ѳ. Миллера не буквальный, но всѣ мысли подлинника переданы точно; форма стихотворенія удержана.
